

ТАРАБАНОВ Арсений Эдмондович / Arseniy TARABANOV

Россия, Санкт-Петербург.
 Санкт-Петербургский государственный университет.
 Философский факультет.
 Доцент, кандидат философских наук.

Russia, St. Petersburg.
 St. Petersburg State University. Faculty of Philosophy.
 Associate professor, PhD.

ИДЕОЛОГИЯ ГЛОБАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА: НАРРАТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В современном капиталистическом / пост-капиталистическом мире мы не можем говорить о какой-либо целостной идеологической системе. На смену ей приходит множество экономических и политических нарративов, продуцируемых самыми различными акторами, как в рамках теоретического дискурса, так и в структурах повседневного мышления. Множественность нарративов неразрывно связана также и с феноменом «локальной рациональности», во многом определяющим экономическую ментальность глобального капитализма.

Ключевые слова: нарратологический анализ, актантные модели, сценарный метод, локальная рациональность

The Ideology of Global Capitalism: Narratological Analysis

In the modern capitalist / post-capitalist world, we cannot speak about any coherent ideological system. This is replaced by the set of economic and political narratives produced by a variety of actors, both in theoretical discourse and in the structure of everyday thinking. The multiplicity of narratives is also inextricably linked to the phenomenon of “local rationality”, and is largely determined by the economic mentality of global capitalism.

Key words: narratological analysis, actantial models, method of scenarios, local rationality

Кажущаяся множественность финансовой информации, циркулирующей в глобальных медиа различных типов, на самом деле, может быть упорядочена на основе ограниченного ряда моделей и формализована посредством методов нарратологического анализа. Наиболее практически применимым здесь представляется так называемый актантный анализ, предложенный еще в 60-ые годы прошлого столетия французским семиологом литовского происхождения А. Греймасом для интерпретации различных идеологических манифестаций.

По сути дела, наполнение некоторой актантной модели может быть раскрыто через мифологическую манифестацию в любой тематизированной области (экономика, литература, религия и проч.) Данная актантная структура в основных чертах совпадает с предложенной А. Греймасом¹ операциональной моделью, в сфере, где имеет приоритет практическая манифестация.

Эта манифестация — сфера инвестирования на уровне предприятия (как рассматривает Греймас), но настоящая модель достаточно эффективна для аналитики также и на уровне личных финансов, на уровне экономической повседневности. Французский семиотик опирается на современные ему материалы социологических исследований отношения к инвести-

циям различных социальных групп. Материалы, полученные в результате опросов и исследований, наглядно поддаются интерпретации в рамках актантной модели. Греймас опирается, в частности, на развернутое интервью главы одного французского предприятия, который пожелал описать для внешних исследователей свою деятельность, а в конечном итоге, трансформировал ее в совокупность пропедевтически-преподнесенных, другими словами, идеологически мотивированных, мифологизированных поступков, базирующихся на имплицитной актантной структуре.

Греймас демонстрирует общую актантную структуру мифологий, классических идеологий (К. Маркса) и частных мифологических манифестаций.

Вообще говоря, в пост-идеологическую эпоху, после крушения мета-нарративов (Ф. Лиотар), мы можем говорить о множественности нарративов и множественности идеологий в рамках общей либертарианской парадигмы. Либертарианство в экономической сфере может быть рассмотрено как последний мета-нарратив, благодаря формуле «laissez faire» обеспечивающий множественность нарративных интерпретаций экономической реальности каждым участником рынков капитала. По сути прогностический анализ в финансовой сфере осуществляется в рамках повседневности — назовем ее экономической повседневностью — каждым из участников денежных

¹ Greimas, A., *Sémantique structural*. Paris: Larousse, 1966. P. 58.

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

ТАРАБАНОВ Арсений Эдмондович / Arseniy TARABANOV

| Идеология глобального капитализма: нарратологический анализ |

и иных капиталистических отношений. Например, в рамках глобальной экономики, с появлением доступных практически любому электронных бирж Интернет-трейдинга, трейдер формирует собственную микро-идеологию по поводу глобальной экономики. В ней глобальные тренды, основываясь на анализе которых он регулирует свою рыночную активность, выступают как сюжеты, нарративы. Нарративы включают специфических персонажей, это и финансовые институты, и финансовые инструменты и политические фигуры. Включают они также и совокупности специфических событий: фундаментальные и нефундаментальные факторы ценообразования на финансовых рынках, риски, природные катаклизмы и т. п. Однако и инвесторы различных типов (массовые и институциональные) в равной степени руководствуются нарративной интерпретацией близкого или далекого будущего для прогностического анализа финансовых рынков. Как раз здесь концепция актантных моделей Греймаса и представляется весьма эффективной, поскольку она позволяет формализовать мифолого-идеологические системы, продуцируемые капиталистами различного масштаба, системы, основанные на множественности нарративов мирового информационного пространства. Нарративов творимых и творящих глобальные экономические тренды.

Греймас в своей работе предлагает рассмотреть идеологию инвестора как сюжетную совокупность взаимодействий специфических персонажей — актантов. Важнейшими видами актантов, по Греймасу, являются герой и субъект. В финансовой сфере героем-субъектом (совмещение актантов), оказывается сам инвестор, который, пытаясь описать взаимосвязь определенных экономических действий, стремится учесть и ценностно возвысить свою собственную роль в них. Греймас выделяет в качестве идеологической цели-объекта инвестиции успех предприятия и оказываемая ему поддержка: со стилистической точки зрения герой, анализируемого Греймасом очерка иногда говорит о предприятии, как о ребенке, который нуждается в защите от опасностей внешнего мира.

Противник в данном контексте присутствует в образе научно-технического прогресса, угрожающего сложившемуся экономическому равновесию взаимодействующих актантов.

Помощник как идеологический конструкт, с точки зрения французского семиотика, это всевозможные исследования, предшествующие вложению капиталов: изучение специфического рынка, патентов, экономической эффективности, экономические и прикладные социальные и маркетинговые исследования; однако, несмотря на риторические приемы, к которым часто прибегает герой, «все это, в сущности, меркнет на фоне той интуиции и чутья, той магической и «мужественной» силы, которую требуется проявить в решающий момент и которая как раз и превращает президента и генерального директора фирмы в мифологического героя»².

В качестве адресанта Греймас выделяет саму экономическую систему, которая, заключает с героем-инвестором неявный договор и «положившись на возможности его индивидуальной свободы, доверяет ему миссию по спасению судьбы предприятия»³.

Адресатом в этой модели оказывается само предприятие, то есть «синкретический актер», в котором синтезированы актант-объект и актант-адресат, поскольку сам герой действует полностью бескорыстно, а наградой для него является доходность предприятия.

Характерно, что этот пример демонстрирует нам возможность формализации мульти-нарративной финансовой идеологии через выделение мифологических моделей, с помощью которых современный человек интерпретирует свое, очевидно, рациональное поведение. Греймас полагает, что настоящий процесс позволяет проиллюстрировать сложный (позитивный и негативный, практический и мифологический) характер любой дискурсивной манифестации. Однако, данный пример в то же время сужает горизонты рассмотрения проблемы. Формализация и моделирование финансовой идеологии, безусловно, возможны не только для интерпретации инвестиционной активности, как на глобальном, так и локальном, и персональном уровне. Целые сферы финансовой деятельности, такие как страхование, банковское дело и другие в условиях глобальной медиатизации могут быть интерпретированы на основе нарратологического анализа. Примечательно, что нарратологическая парадигма все чаще осознается в качестве наиболее эффективной для экономического анализа. Безусловно, множественность нарративов, продуцируемых в рамках экономической повседневности и лежащих в основании как глобальных так и локальных трендов, принципиально отличается от нарратива как методологического принципа в рамках сциентистского дискурса.

Примечательно, что данные методы, претендуя на анализ объективной экономической реальности, представляют нам перспективные модели локальных финансовых идеологий.

Однако, математические модели сценариев финансовых рынков, в данном случае доходности портфелей предполагают структурирование не только объективной экономической реальности, но и структурирование неявно данной, темпоральной реальности, созданной участниками рынков, в частности, их системой ожиданий, их рефлексией и саморефлексией. Волатильность, нестабильность — идеологемы, принимаемые как рыночно-образующие факторы, также являются неотъемлемой частью финансово-прогностических сценариев. Эмпирический анализ доходностей в современной экономической науке и практике структурирует нарратологическим (сценарным) образом интегрированную совокупность действий участников рынков, это структурирование материала воплощается в данном случае в создании модели цены на опционы и модели динамики рыночных трендов. Этот анализ может быть методологической основой для формирования инвестиционных портфелей. Настоящие математические модели сценариев, с одной стороны, имеют своим подлинным объектом реальность идеологических конструкций, продуцируемых сознанием инвесторов. Но, с другой стороны, эти способы моделирования сами суть специфические способы идеологического конструирования в рамках научного дискурса.

Графики изменения доходностей — схематическое изображение изменения предпочтений инвесторов. Предпочтения, мыслимые в сценарной, нарративной форме, даже в системе научного знания.

² Greimas A. *Sémiotique et sciences sociales*. Paris: Seuil, 1976. P. 77.

³ Ibid. P. 79.

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

ТАРАБАНОВ Арсений Эдмондович / Arseniy TARABANOV

| Идеология глобального капитализма: нарратологический анализ |

Конкретное число математическим образом определенных моделей сценариев аналогично неизменному числу актантных моделей идеологии А. Греймаса. Вообще говоря, сама методология формализации сценариев, как на основе структурологии, так и математических методов, неизменно полагается как прогностическое знание — перечисление конечного числа альтернатив, превосходящего будущего⁴.

Другим примером сценарного подхода в финансовой сфере является стресс-анализ или стресс-тестирование. Стресс-тестирование предполагает изучение риск-факторов, могущих угрожать стабильности компании или банка. Эти факторы также представляются в виде сценарной модели.

В основе концепции стресс-тестирования лежит представление об «исключительных, но возможных событиях», на основе него выделяют несколько типовых групп сценариев, по которым и осуществляется стресс-тестирование.

В отдельную группу отнесены однофакторные сценарии, на основе которых создаются так называемые тесты чувствительности (*simple sensitivity test*). По сути дела, сочиняются сценарии, исходящие из рассмотрения исключительного изменения одного фактора при сохранении неизменными прочих условий, например, падения валютного курса при сохранении уровня процентных ставок и котировок ценных бумаг. Данная сценарная модель достаточно абстрактна, но исследование, ей соответствующее, является технически простым и наглядным, что и определяет его распространение в качестве практического метода. Существует также группа многофакторных сценариев, которые, в свою очередь подразделяются на исторические, экспертные или гипотетические, статистические и сценарии максимальных потерь.

Исторические сценарии воспроизводят ранее реализовавшуюся кризисную ситуацию, проверяя на ее примере рискозащитности компании.

А экспертные сценарии, как следует из их названия, создаются на основе экспертных оценок, учитывающих как исторические кризисы, так и текущую конъюнктуру рынка, и позволяют акцентировать внимание на наиболее существенных для компании риск-факторах («противниках» в терминологии А. Греймаса).

Статистические сценарии, в свою очередь, составлены на основе моделирования возможных значений риск-факторов. В данном случае доминируют вероятностно-определенные оценки, т. е. для последующего тестирования предлагаются сценарии с определенной вероятностью реализации, что позволяет интегрировать результаты стресс-теста в модели оценки необходимого капитала.

Сценарии максимальных потерь рассматривают наименее благоприятное для компании сочетание риск-факторов. При проведении такого анализа важен не только и не столько сам результат, характеризующий запас прочности компании, сколько вырисовывающийся профиль рисков, который позволяет выделить наиболее существенные угрозы и принять необходимые меры предосторожности.

Вообще говоря, формирование конкретного портфеля рисков — яркий пример манифестации «локальной рациональности» на основе формирования того или иного сценария.

Вместе с тем сценарии могут быть классифицированы по группам рассматриваемых риск-факторов — внутренних и внешних по отношению к компании. Содержание как «внутренних», проверяющих бизнес-технологии, тестов, так и «внешних» тестов определяется преимущественно отраслевой принадлежностью компании.

Однако, локальная рациональность, определяемая конкретным сценарием для специфического субъекта или локализуемая определенной отраслью, необходимо включается в глобальные сценарные модели. Так, по данным МВФ, для участников финансового рынка основными риск-факторами являются глобальные изменения процентных ставок и курсов валют («противники» — А. Греймас). Важно что, самый эффективный анализ дают комплексные стресс-сценарии, сочетающие факторы локальных финансовых рынков и глобальной макроэкономической конъюнктуры.

Необходимость ориентироваться на риск-факторы финансового рынка, отмеченная Комитетом по проблемам мировой финансовой системы по итогам серии исследований практики стресс-тестирования (2001–2004 гг.), в определенной степени связана с технической простотой моделирования по сравнению с анализом кредитных позиций и сценариев кризиса ликвидности. При этом отмечается возможность использования широкого круга моделей, что, по сути, означает отсутствие единого стандартного подхода. Множественность сценариев понимается как необходимое методологическое условие анализа глобальных финансовых рынков.

Поданными этими исследованиями, практика стресс-тестирования существенно расширяется, к настоящему моменту привлекая различные категории участников финансовых рынков, в том числе банки, финансовые и страховые компании.

Процесс включения стресс-тестирования в общие системы риск-менеджмента сегодня идет по двум направляющим: «снизу вверх» — в результате осознания участниками рынка необходимости использования сценарных методов для управления рисками, «сверху вниз» — по мере определения регуляторами-супервизорами требований и рекомендаций по стресс-тестам на основе специфического сценарного видения. Причем роль регуляторов крайне важна как при внедрении инструментария стресс-тестирования, так и для повышения его эффективности: централизованное определение стресс-сценариев делает тесты понятными внешним пользователям и сопоставимыми для различных участников рынка.

Например, регулятор финансовых рынков Великобритании в рамках ежегодно публикуемого обзора финансовых рисков при анализе рисков и угроз финансовой стабильности описывает несколько вариантов стресс-сценариев. В 2005 г. были предложены сценарии значительного снижения цен на недвижимость, резкого падения курса доллара и существенного роста процентных ставок. Т. е. Прогностическое знание здесь воплощено в сценарной форме.

Теория и практика стресс-тестирования аналогична актантно-моделированию финансовой идеологии. Риск-факторы также рассматриваются в качестве актантов-противников, в то время

⁴ Postma T. J. B. M. and Liebl F. How to improve scenario analysis as a strategic management tool? // *Technological Forecasting & Social Change* 72. 2005. P. 161–173.

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

ТАРАБАНОВ Арсений Эдмондович / Arseniy TARABANOV

| Идеология глобального капитализма: нарратологический анализ |

как другие многочисленные фундаментальные факторы, также могут быть формализованы в виде соответствующих актантов.

Характерно, что сценарный метод в его различных вариациях демонстрирует очевидную направленность современной финансовой теории и практики выбрать аутентичную методологию анализа финансовых рынков, которая бы учитывала их идеологическую составляющую (понимая необходимость ее формализации и не только математическую методологию) и рыночную саморефлексию.

Локальная рациональность и глобальные нарративы финансовой идеологии.

Использование семиотических моделей для анализа финансовой идеологии в рамках глобального постиндустриального должно учитывать новую множественную реальность инфосферы. Мировые финансовые тренды могут быть рассмотрены как специфические глобальные нарративы формирующие глобальную инфосферу. Однако, такая интерпретация необходимо должна опираться, с одной стороны, на глобальное (в пространственном смысле) и, в дискурсивном смысле, контекстуальное понимание идеологии. Идеология здесь — не мета-история, метанарратив, а локальная перспектива видения инвестора, которая характеризуется специфической рациональностью (здесь локальной рациональностью). Интерпретация глобальных финансовых рынков, использующая нарратологическую методологию неминуемо приходит к концепту локальной рациональности, достаточно ярко выраженную современным итальянским мыслителем Дж. Ваттимо⁵.

Он исходит из того, что то, что на повседневном уровне определяется как «реальность мира», возникает в рамках гуманитарного дискурса как «контекст», образуемый множеством фабулизаций, — и актуальная задача и гуманитарных наук состоит в том, чтобы интерпретировать мир в нарратологических терминах. Дискуссия, ведущаяся в современных гуманитарных науках о статусе такого рода знания, представляется, на первый взгляд бесплодной, однако, она ближе всего приближается к сущности социально-гуманитарного знания и «позволяет осознать что «сказки» — это сказки». Ваттимо демонстрирует, что приобретение популярности понятием «нарративность» в обществоведческих спорах недавнего времени, как и переориентация дискуссии на «риторические» и нарратологические модели в исторической науке, убедительно вписывается в такое видение социально-гуманитарного знания, где миф о «прозрачности», объективности и автономии науки оказывается критически преодолен. Но речь не о скептическом релятивизме — несовместимым с академическим сообществом. Тут появляется возможность большей открытости, исключение идеологической ангажированности по отношению ко всему опыту мира, который, является чем-то большим, чем лишь предмет «объективного» знания (но существуя в качестве тенденции), является местом производства символических систем, которые отличаются от мифов, по мнению Ваттимо, тем, что они «историчны», — то есть это нарративы или рассказы как методологические принципы, задающие «критическую дистанцию». В нарратологической парадигме осознается наличие определенной внешней системы координат и которые очевидным образом

предстают перед учеными как «сотворенные» (в отличии от традиционно понимаемых мифов), никогда не стремясь быть самой «природой». В концепции Ваттимо пересмотр отношения к мифу и лежит в основе «локальной рациональности» и ее нарратологической манифестации. Важно что, современное осознание нарастающей «фабулизации» мира, производимое системой масс-медиа, приводит гуманитарные науки к одной из самых актуальных проблем — пересмотру своей собственной позиции в отношении к мифу.

Вообще говоря, структурно-нарратологический анализ мифологий Греймаса может быть применим для интерпретации пост-современной глобальной финансовой идеологии-мифологии (общее структуралистское отождествление) только при утрате тотально-универсалистского мифа. Мифа как единой надперсональной сигнифицирующей или, точнее, коннотативной системы. Ваттимо выделяет доминирующий тип отношения, основополагающий для понимания мифа в глобальном информационном обществе, отношения, которое он характеризует как «умеренный иррационализм» или теорию ограниченной рациональности. Итальянский мыслитель предлагает рассматривать миф в сравнительно ограниченном смысле, который, однако, связан с изначальным этимологическим значением данного слова. Если вернуться к древнегреческому языку, то «миф» означает рассказ. В этом смысле он может быть противопоставлен научному знанию — не только из-за, того что он является оппозицией его качеств — доказуемости, объективности и др., но и в силу того, что ему присуще уникальное собственное качество — нарративная структурная организация. Эта организация воплощается через совокупность культурных установок, в ней мифологическое знание выступает как исключительная форма мышления и, именно, в силу своей нарративной природы единственно применимая для определенных областей опыта. Она может быть названа «теорией ограниченной рациональности», ведь она опирается на многообразие исследовательских горизонтов и не отбрасывает применимость научно-технического знания для многих других областей опыта. В условиях глобализации опытного пространства движения капиталов, множество профессиональных и непрофессиональных инвесторов и иных участников рынков выступает как качество самостоятельных исследователей финансовой сферы, не использующих какую-то одну научную методологию. Однако множественность их исследовательских перспектив проявляется скорее как множественность практик по продуцированию мифов-нарративов в вышеуказанном смысле. Эта множественность нарративов или локальных рациональностей в глобальной информационной репрезентации приводит к характерному наложению исследовательских горизонтов и деятельностных перспектив. Это наложение приводит к формированию новых мета-нарративов или проявлений новой мифологии — рыночных трендов. Отличие этих новых мифологических образований на глобальных финансовых рынках от старых мифов, идеологий и мета-нарративов — это неустойчивость (волатильность) и флуктуирующая темпоральность. Можно утверждать, что методы математического анализа, исходя из перспективы индивидуального исследователя-инвестора неминуемо должны быть включены в изначальную нарративную схему, обладающую прогностическим потенциалом. Флуктуирующая темпораль-

⁵ Ваттимо Дж. Прозрачное общество. М., 2002. С. 30.

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

ТАРАБАНОВ Арсений Эдмондович / Arseniy TARABANOV

| Идеология глобального капитализма: нарратологический анализ |

ность и волатильность в рамках индивидуальной перспективы слишком «стремительны» для математических методов и нуждаются в около-научной сюжетной интерпретации.

Однако, характеризуя глобальный финансовый рыночный тренд как мифологическое образование мы обошли вниманием сам механизм формирования. Механизм соотнесения множественных перспектив в глобальный мифологизированный продукт — рыночный тренд.

В этой связи весьма перспективной представляется книга другого итальянского автора Паоло Вирно «Грамматика множеств»⁶. Анализ социальных множеств (в нашем случае — множество участников глобальных финансовых рынков) характеризуется особой рациональностью связываемой Вирно с понятием «всеобщего интеллекта». Автора указывает на использование уже Марксом английского словосочетания *general intellect* (всеобщий интеллект). Маркс видел в качестве такого интеллекта науку, знание как теоретическое, так и практическое, на котором базировалось современное ему производство. Концепция «всеобщего интеллекта» родственна понятию «реальной абстракции», принципиально важной для социальной теории Маркса в целом: общественное устройство предполагает наличие основополагающих абстракций которые по своей природе идеальны но, являются неприменным условием укорененных в реальности процессов. Например, деньги как абстрактная мера стоимости в капиталистическом обществе предопределяют предметно-определенные акты обмена, являясь таким образом действительной «движущей силой». В этом смысле и «всеобщий интеллект» манифестирует себя как движущую силу производственных процессов. Однако, современные интерпретации «всеобщего интеллекта», в том числе Вирно, связывают его с субъективностью и живым трудом, тогда как Маркс полагал, что «всеобщий интеллект» объективирован в системе индустриальных машин. Сами язык и мысль в условиях экономики постфордизма становятся производительной силой. Вирно ориентируется на перформативное измерение языка, причем в непосредственном, индустриальном, смысле. Примечательно, что рациональности социальных множеств соответствует некоторая общая, родовая языковая инстанция — тотальной сигнификации. Здесь общие речевые формы определяют условия, нужные для практического определения своего положения в повседневном мире, где все локальности, сопряженные со стратегиями языковой прагматики, в частности социолекты или профессиональные и корпоративные идиомы совершенно не способны выполнять эту функцию, постепенно утрачивая свое нормирующее значение. Таким образом, множественные перформативы времен постфордизма включаясь в социальную активность на языковом уровне, генерируют именно обобщенные или родовые элементы. Вирно демонстрирует здесь специфическое размывание локальных языковых кодов, которое делает любую интеллектуальную активность социальных множеств, основывающихся на непосредственной речевой деятельности публичной, точнее, «всеобщее-интеллектуальной». Такое видение публичного интеллекта, по мнению Вирно, прямо противоречит классической традиции, которая

атрибутирует мышление внутренней автономией, уединенностью, дистанцируемостью от социума, рассматриваемого в качестве унитарного, но локального тела. Другими словами нынешние номадические множества есть группировки отделившихся от традиционно-сложившихся сообществ единиц или социальных атомов. Они, на самом деле, являются мыслящими агентами, вынужденными самостоятельно обращаться к универсальным мировоззренческим принципам, чтобы ориентироваться в сложном «высоко-духовном» мире, несмотря на изначальный невысокий образовательный уровень. Для современной интеллектуальной активности масс достаточно обычной способности повседневного рассудка и способности к непосредственной вербальной коммуникации.

Вообще говоря, «всеобщий интеллект» социальных множеств формирует беспрецедентный феномен псевдо-публичности, публичности которая не имеет традиционной (в смысле Ю. Хабермаса) публичной сферы, связанной, с одной стороны с чистой неперформативной коммуникацией, и с другой — с мифо-ритуальной самопрезентацией государства в качестве высшего суверена. Такая псевдо-публичность как изначальная родовая структура ментальности и способ коммуникации, выходит сегодня на первый план. Но поскольку она не обладает соответствующим пространством (суммой локальностей) для политической артикуляции, то она формирует некоторый отрицательный аспект опыта социальных множеств, реализуемый через возможность синтеза активности множеств в новой унифицирующей и тотальной самопрезентации. Таким образом, это новое единство локальных множественностей определяет не «общая воля» народа как полагали мыслители Просвещения, предполагающая полевательное возникновение государства, а новую универсальность «всеобщего интеллекта». В случае с глобальными финансовыми рынками, мы видим, как множество локальных рациональных участников рынков интегрируются в некоторый «всеобщий интеллект», формирующий глобальные тренды-нарративы.

Близка к такому пониманию и концепция современного американского коммуникативиста Сьюзен Бак-Морс⁷, которая определила в качестве основной задачи будущей мировой политики создание глобальной публичной сферы и центральное место в ней отвела маргинальным по отношению к европоцентричным и альтернативным интеллектуальным традициям, которые должны быть вовлечены в общее поле информационных практик и способствовать возникновению нового глобального коллективного субъекта.

Анализ глобальных нарративов неминуемо приводит нас к целому ряду концепций, открываемому концепцией финансовых ландшафтов (*finscapes*) Аппадурай⁸, продолжаемых теорией «знаков и пространства» Лэш и Урри⁹ и завершаемого теорией «репрезентации глобального капитала» Голдмана и Папсона¹⁰.

⁶ Virno, P. A Grammar of the Multitude: For an Analysis of Contemporary Forms of Life. / Trans. Isabella Bertolotti, James Cascaito and Andrea Casson. N. Y.: Semiotext[e], 2004. P. 64.

⁷ Buck-Morss S. Dreamworld and Catastrophe: The Passing of Mass Utopia in East and West. Cambridge. 2000. P. 22.

⁸ Appadurai A. "Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy" from Modernity at Large. // Cultural Dimensions of Globalization, Pp. 27–47, University of Minnesota Press. 1996. P. 32.

⁹ Lash S., Urry J. Economies of Signs and Space, London: Sage. 1994. P. 10.

¹⁰ Goldman R., and Papson S. Sign Wars: The Cluttered Landscape of Advertising. The Guilford Press. 1996. P. 12.

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

ТАРАБАНОВ Арсений Эдмондович / Arseniy TARABANOV

| Идеология глобального капитализма: нарратологический анализ |

Арьон Аппадурани связывает глобализацию с детерриторизацией, и фиксирует предустановленный ландшафт, создающий термины рефлексирования потоков медиа, народов, идеологий, технологий и финансов, которые преодолевают границы национальных государств. Для Аппадурани глобальная культурная экономика представляет собой конгломерат, включающий в себя накладывающиеся друг на друга потоки и пересекающиеся разломы медиаландшафтов, этноландшафтов, техноландшафтов и финансовых ландшафтов. К примеру, реклама попускает разрушительному действию этих потоков через установление глобальной эстетической когерентности, но не предпринимая попыток обозначить эти потоки как существенные по отношению к идентичности глобального Капитала. Такие эстетизированные потоки становятся отличительными чертами ландшафта глобального капитала — лучами света пересекающими земной шар. По сути дела, мы можем говорить о воображаемых глобальных ландшафтах капитала, которые структурированы и отражены в глобальной рекламе — трансформирующей силе капитала, которая всегда проявляется через придание дополнительных возможностей и, никогда, через их лишение. И пока власть, обмен и труд магически исчезают в акте продуцирования символического ландшафта глобального капитала, мы можем попытаться увидеть, как амбивалентность и противоречивость вещного наличного мира исчезают в недрах этих глобальных (воображаемого, символического, финансового) ландшафтов.

Несколько иное понимание глобальных ландшафтов и, в том числе, мирового финансового ландшафта, мы находим в концепции Голдмана и Папсона¹¹.

Глобальные нарративы не являются автономными. Они не привносятся извне человеческой истории. Они вырастают из актуальных социально-политических реалий общественно-экономической формации. Голдман и Папсон критикуют постмодернистскую локализацию нарративов в текущем социально-политическом контексте. По их мнению нарративы эпохи Просвещения происходят из специфических экономических трансформаций, которые, вырвали Европу из оков феодальной экономики и переместили в индустриальную эпоху, эпоху демократических политических революций, которой изначально присущи глобальные перемещения и сдвиги индустриальной инфраструктуры. Критический подход может выделить вырождение мета-нарративов Модерна даже и в те времена, когда Запад, как может показаться, изнурен доминированием в мировой экономике. В частности, США вошли в период высокой инфляции и последующей экономической рецессии. Американское доминирование становится все более сомни-

тельным: Ирак, Афганистан, экологические проблемы, вызванные экспансией производства, рост экономической мощи Японии, Китая и др. Может показаться, что Запад, персонафицированный в образе США находится в состоянии политического и экономического упадка. Однако, никакой другой образ не проиллюстрирует нам так ярко, воплощенный нарратив бесконечного прогресса и экономического подъема, чем индекс биржи NASDAQ в 90-ые годы, рост которого неизменно сопровождал американское доминантное положение, как в военной, так и в экономической сферах в новых условиях глобального капитализма. И, несмотря на то, что новые бизнес-элиты становятся все более интернациональными, глобальная экономическая идеология по месту продуцирования ее нарративов остается американской. Голдман и Папсон¹² демонстрируют также роль нарративов глобальной рекламы транснациональных корпораций в деле артикуляции и позиционирования доминирующей позиции бизнес-элит. Социально-экономические условия, которые спровоцировали, по сути, возрождение мета-нарративов включают, прежде всего, экстраординарный рост или даже бум на фондовых рынках во второй половине 90-х годов, ориентированный на высокотехнологические компании в структуре «новой экономики». Можно сказать, что биржа NASDAQ выступала в роли «индекса доверия» общей эйфории в рамках бума на фондовых рынках. Рост NASDAQ породил новый энтузиазм по поводу старых мета-нарративов «всесоюзной науки и техники» покоряющих материальный мир. На пике рыночной эйфории индекс NASDAQ головокружительно взлетел на 5000 пунктов, питаясь силой компаний, вроде Microsoft, Dell, Intel, Cisco, Amgen и других полупроводниковых, телекоммуникационных и биотехнологических компаний. Технологический сектор в то время репрезентировал быстрорастущий сектор, где состояние можно было заработать, буквально, за одну биржевую сессию, где доход по ценным бумагам измерялся цифрами с большим количеством нулей.

Прогностическое знание и, вообще, образ будущего формировался сквозь призму технологий, успехи которых многократно превозносились масс медиа. Рост сектора технологических предприятий на фондовых рынках пропорционально рос и в общественном мнении. Этот сектор имел возрастающее значение в формировании медиадискурса, параллельно с общемировым экономическим ростом. Даже после того, как фондовый бум в отношении высоких технологий впал в коллапс, и NASDAQ был возвращен к более низким уровням спекулятивного роста, технологическое развитие в его многообразных формах до сих пор остается предметом «коллективных мечтаний» большинства мировых корпораций.

¹¹ Ibid. P. 15.

¹² Ibid. P. 37.

